

Валентин Красногоров

Топор в руках судьбы

Музыкальная драма в двух частях
по мотивам произведений М. Ю. Лермонтова

ВНИМАНИЕ! Все авторские права на пьесу защищены законами России, международным законодательством, и принадлежат автору. Запрещается ее издание и переиздание, размножение, публичное исполнение, помещение спектаклей по ней в интернет, экранизация, перевод на иностранные языки, внесение изменений в текст пьесы при постановке (в том числе изменение названия) без письменного разрешения автора.

[Полные тексты всех пьес, рецензии, список постановок](#)

См. также мой сайт: <http://krasnogorov.com/>

Контакты:

Тел. 8-812-699-3701;
+7-951-689-3-689 (моб.)
(972) 53-527-4146, (972) 53-527-4142

e-mail: valentin.krasnogorov@gmail.com

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Топор в руках судьбы» - драматический мюзикл по мотивам новелл М. Ю. Лермонтова «Тамань» и «Фаталист» из романа "Герой нашего времени". В нем использованы также письма Лермонтова и, конечно же, его стихотворения, безупречные тексты которых определяют лирическую и драматическую атмосферу вокальных номеров мюзикла. Все вокальные номера написаны на стихи Лермонтова (за исключением двух, музыка которых тоже положена на классические тексты).

И «Тамань» и «Фаталист» принадлежат к шедеврам лермонтовской прозы. Недаром Лев Толстой считал «Тамань» «лучшим рассказом нашей литературы». В нем есть и тайна, и романтика, и приключенческий сюжет, и любовная драма, и напряженный драматизм. Не менее интересен и «Фаталист». Оба произведения сочетают прозрачную простоту слога и занимательность с глубоким содержанием и эмоциональной насыщенностью. Именно эта эмоциональная насыщенность и создает возможность и необходимость музыкального воплощения этого сюжета. Музыкальная ткань здесь не ограничивается лишь вокальными номерами. Все произведение пронизывают темы моря и бури, любви и судьбы.

Оба коротких рассказа почти лишены диалогов и, разумеется, стихотворных текстов. Поэтому при инсценировке пришлось серьезно переработать исходный материал, придать ему сценичность, ввести новых персонажей и дать основу для музыкальной ткани произведения. Кроме того, оба рассказа, которые у Лермонтова не связаны между собой, здесь сплетены в единый сюжет. Название мюзикла является цитатой из Лермонтова («Сколько раз я уже играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на головы обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления...»).

Нестандартность жанра, его "некомедийность" не должны служить препятствием для постановки. Практика показывает, что прочная литературная основа и мелодичная, запоминающаяся, доступная широким массам и интересная для певцов музыка является гарантией зрительского успеха произведения.

Действующие лица:

ОФИЦЕР
ДЕВУШКА
СЛЕПОЙ
ЯНКО
СТАРУХА
ВУЛИЧ
ЭМИЛИЯ
СЕРЖ
КОМЕНДАНТ
КАПИТАН
ПОРУЧИК
ДЕНЩИК
ЧАСОВОЙ
ОФИЦЕРЫ, СОЛДАТЫ

Часть первая

Сцена первая

Берег моря. Вечер. Несколько деревянных домиков. У одного из них – полосатая будка, рядом - дремлющий часовой.

Молодой женский голос поет песню без слов. Напев ее странный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Звуки как будто падают с неба, сливаясь с шумом волн, игрой ветра и криком чаек.

Слышен звон колокольчика – где-то едет тройка. Колокольчик звенит все ближе и громче и вдруг умолкает. Часовой, очнувшись ото сна, вскакивает и, подхватив падающее ружье, кричит спросонья диким голосом.

ЧАСОВОЙ. Кто идет?

Входит Офицер в сопровождении денщика, несущего баул.

Кто идет?!

ОФИЦЕР. *(Зевая.)* Не ори. Комендант у себя?

ЧАСОВОЙ. Так точно.

ОФИЦЕР. Давай его сюда. Да поживее.

ЧАСОВОЙ. Слушаюсь, ваше благородие. *(Бежит в дом.)*

ДЕНЩИК. Скверный, однако, городишка. Одни заборы да грязные переулки. И рожи кругом какие-то воровские.

ОФИЦЕР. Присматривай получше за моей шкатулкой. Там все мое достояние.

Из дома выходят Комендант и Часовой.

ОФИЦЕР. *(Отдавая честь и протягивая бумаги.)* Здравствуйте.

КОМЕНДАНТ. *(Просматривая бумаги.)* Куда изволите ехать?

ОФИЦЕР. По казенной надобности, в действующий отряд.

КОМЕНДАНТ. Чем могу быть полезен?

ОФИЦЕР. Суда на пристани есть? Мне безотлагательно нужно быть в Геленджике.

КОМЕНДАНТ. Суда-то есть, да все сторожевые или купеческие, которые еще даже на начинали погружаться. Придется вам тут сколько-то побыть.

ОФИЦЕР. Задержка не входит в мои намерения. Я спешу на Кавказ.

КОМЕНДАНТ. Торопитесь быть убитым?

ОФИЦЕР. *(Пожав плечами.)* От судьбы не уйдешь.

КОМЕНДАНТ. И бежать ей навстречу тоже не след. Так что уж погостите пока здесь, а завтра я наведу справки.

ОФИЦЕР. Предоставьте мне тогда, по крайней мере, квартиру.

КОМЕНДАНТ. С жильем здесь плохо. Все избы заняты. Не знаю, право, что и придумать.

ОФИЦЕР. Это уж ваше дело.

ЧАСОВОЙ. Осмелюсь доложить: есть тут одна фатера, только вашему благородию не понравится. Там нечисто!

ДЕНЩИК. Что значит «нечисто»? Грязно, что ли?

ЧАСОВОЙ. Насчет грязно не знаю, но нечисто! *(Крестится)*

ОФИЦЕР. Чисто, нечисто, мне все одно. Я три ночи не спал, измучился. Где она?

ЧАСОВОЙ. Да близенько совсем. Вон, видите небольшую хату, на самом берегу моря?

ОФИЦЕР. *(Денщику.)* Бери вещи.

Комендант, отдав честь, уходит в дом. Часовой следует за ним.

ДЕНЩИК. Ваше благородие, не надо туда ходить. Сами слышали - нечистое это место.

ОФИЦЕР. Не мели вздор. Поторопимся, а то скоро стемнеет.

ДЕНЩИК. А может, поедем дальше? Ямщик-то ждет еще.

ОФИЦЕР. Дальше дороги нет. Только море. Пойди, отпусти его.

Денщик выходит. Слышен звон удаляющегося колокольчика. Денщик возвращается.

ДЕНЩИК. Не передумали, ваше благородие?

ОФИЦЕР. *(Решительно.)* Идем.

Офицер и Денщик подходят к дому на берегу моря. Смеркается. Денщик с опаской стучится в дверь. Никто не отвечает.

Стучи сильнее.

Денщик стучится. Молчание. Офицер с силой ударяет дверь ногой, она отворяется.

А ну-ка, посмотри, что там внутри.

Денщик зажигает фонарь и входит в дом. Из-под крыльца вылезает бедно одетый парень.

ПАРЕНЬ. Що вам потрибно?

ОФИЦЕР. *(Вздвргнув от неожиданности.)* Где хозяин?

ПАРЕНЬ. Нема.

ОФИЦЕР. Как, совсем нету?

ПАРЕНЬ. Зовсим.

ОФИЦЕР. А хозяйка?

ПАРЕНЬ. Побигла в слободку.

ОФИЦЕР. Кто же нас впустит в дом?

ПАРЕНЬ. А вы хто?

ОФИЦЕР. Я офицер, не видишь, что ли?

ПАРЕНЬ. Ни. Не бачу.

Пауза. Офицер берет у возвратившегося денщика фонарь и подносит его к лицу парня. Фонарь озаряет два белых глаза. Лицо остается совершенно невыразительным.

ОФИЦЕР. Ты хозяйский сын?

СЛЕПОЙ. Ни.

ОФИЦЕР. Кто же ты?

СЛЕПОЙ. Сирота. Убогий.

ОФИЦЕР. А у хозяйки есть дети?

СЛЕПОЙ. Ни. Була донька, та втикла за море с лодочником.

ОФИЦЕР. С каким лодочником?

СЛЕПОЙ. А бис его знае. З Керчи.

ОФИЦЕР. Ну ладно, ступай.

Слепой уходит.

ДЕНЩИК. Не нравится мне это, барин. Смотрите, как слепой-то уверенно пошел.

ОФИЦЕР. Ну и что?

ДЕНЩИК. А то, что он, быть может, и не так слеп, как кажется.

ОФИЦЕР. Будет тебе. Ну, как жилье?

ДЕНЩИК. Хуже некуда. Грязно, бедно, стекло разбито, в комнате ветер гуляет. И на стене ни одного образа – дурной знак!

ОФИЦЕР. Хватит ворчать. Деваться все равно некуда. Сегодня переночуем, а завтра, бог даст, уедем отсюда с попутным кораблем. (*Снимает шапку и отдает ее с ружьем денщику.*) Иди, поставь оружие, разбери вещи и ложись спать.

Денщик, забрав вещи, уходит в хату. Яркая луна освещает берег и беспокойное море. Снова откуда-то слышится молодой женский голос, спорящий с шумом ветра и волн. Офицер прислушивается к песне, встает, оглядывается, никого не видит. Мелодия медленно затихает, удаляется, гаснет...

ОФИЦЕР.

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья...*

Из хаты возвращается Денщик.

ДЕНЩИК. Воля ваша, а я в хате спать не буду. Лучше здесь на лавке сосну. Окно разбито, что там дует, что здесь – все одно.

ОФИЦЕР. Спи, где хочешь.

Денщик расстилает на лавке шинель и ложится в обнимку с ружьем. Через минуту раздается его громкий храп. Офицер тоже расстилает бурку и пытается уснуть, но сон нейдет к нему. Голос невидимой девушки не выходит у него из головы.

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки

* Стихи в этой пьесе принадлежат М.Ю.Лермонтову

Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья...

Тишина. Только волны все сильнее ударяются о берег. Порывы ветра взметают развешанное на веревках белье. Из-за угла дома появляется Слепой. Осторожно прислушавшись к дыханию лежащих мужчин, он крадучись идет в дом. Офицер поднимает голову. Скоро Слепой появляется на крыльце с большим узлом под мышкой. Остановившись на мгновение, он верной, но осторожной поступью направляется к морю. Ветер усиливается. Офицер поднимается со своего ложа, пристегивает к поясу кинжал и следует за Слепым. Тот останавливается у самой воды, садится и кладет рядом с собой узел. Офицер прячется поодаль. Спустя некоторое время к Слепому приближается белая фигура.

ДЕВУШКА. Что, слепой? Буря сильна, Янко не приплывет.

СЛЕПОЙ. Янко не боится бури.

ДЕВУШКА. Туман густеет.

СЛЕПОЙ. В тумане лучше пробраться между сторожевых судов.

ДЕВУШКА. А если он утонет?

СЛЕПОЙ. Ну что ж? В воскресенье ты пойдешь в церковь без новой ленты.

Пауза.

ДЕВУШКА. Посмотри, волны все сильнее и сильнее.

СЛЕПОЙ. Я не могу смотреть.

ДЕВУШКА. Да, правда, я и забыла. Ты потому и веришь в приезд Янко, что не видишь этих волн.

СЛЕПОЙ. Я слышу их.

ДЕВУШКА. Кто в такую ночь пустится через пролив?

СЛЕПОЙ. У него есть причина.

ДЕВУШКА. Товар может и подождать.

СЛЕПОЙ. А ты?

Молчание. Свист ветра и шум волн.

ДЕВУШКА. Какой ветер...

Едва слышно звучит далекая мелодия. Слепой встает, прислушивается и ударяет в ладоши.

СЛЕПОЙ. Видишь, я прав. Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей.

ДЕВУШКА. Почему ты решил?

СЛЕПОЙ. Прислушайся-ка: это не вода плещет, меня не обманешь, - это его длинные весла.

Музыка звучит яснее и отчетливее.

ДЕВУШКА. Ты бредишь, слепой. Я ничего не вижу.

СЛЕПОЙ. А ты не смотри, ты слушай.

Музыка становится еще громче.

ДЕВУШКА. (Радостно.) Да, это он!

Уже можно различить зов лодочника. Девушка и Слепой отвечают ему с берега. Наконец показывается лодка. Из нее выходит молодой мужчина в бараньей шапке. За пояс у него заткнут большой нож с деревянной рукоятью.

ДЕВУШКА. Вот уж не чаяла тебя дожидаться.

ЯНКО. Почему?

ДЕВУШКА. Гляди, какие волны.

ЯНКО. Море мне друг.

ДЕВУШКА. Лодку мог опрокинуть ветер.

ЯНКО. Ветер мне помощник.

ДЕВУШКА. Значит, ты ничего не боишься?

ЯНКО. Я боюсь людей.

ДЕВУШКА. Кто в такую ночь высунет нос из дому?

ЯНКО. Здесь все спокойно?

СЛЕПОЙ. В доме остановился офицер.

Офицер в своем укрытии настораживается.

ЯНКО. *(Встревоженно.)* Кто он? Откуда? Зачем?

СЛЕПОЙ. Не знаю.

ЯНКО. Что ему нужно?

СЛЕПОЙ. Расспрашивал, кто хозяин, где хозяйка, кто их дети.

ЯНКО. *(Доставая нож и поигрывая им.)* Не нас ли он ищет?

ДЕВУШКА. В городе полно офицеров. Одним больше, одним меньше – какая разница?

ЯНКО. Пусть будет одним меньше.

ДЕВУШКА. Спрячь нож. Офицеру нет до нас дела.

СЛЕПОЙ. Завтра он хочет уехать.

ЯНКО. *(Успокаиваясь.)* Последи за ним.

СЛЕПОЙ. Хорошо. Ты привез товар?

ЯНКО. *(Самодовольно.)* А как ты думаешь?

ДЕВУШКА. Много?

ЯНКО. Поди, взгляни сама.

ДЕВУШКА. *(Впрыгивая в лодку, удивленно.)* Ой, Янко, как только лодка не утонула?

ЯНКО. *(Хвастливо.)* Да уж будет на что погулять.

Девушка выскакивает из лодки и, не в силах сдержать радости, пускается в пляс. Офицер незаметно возвращается к дому и ложится на свою лавку. Тем временем к танцу Девушки присоединяется Янко, а затем и Слепой.

Сцена вторая

На следующий день. Денищик чистит ружье. Слепой, сидя на крыльце, тянет заунывную песню. Неподалеку Старуха чистит овощи. Время от времени она подпевает Слепому. Входит Офицер.

ОФИЦЕР. Комендант не приходил?

ДЕНИЩИК. Никак нет.

ОФИЦЕР. Странно. Он обещал узнать насчет судов на Геленджик.

ДЕНИЩИК. *(Шепотом, доверительно.)* Плохо, ваше благородие!

ОФИЦЕР. Случилось что-нибудь?

ДЕНЩИК. Ничего не случилось, а все равно – плохо! Подозрительное место!

ОФИЦЕР. Не пойму, о чем ты толкуешь.

ДЕНЩИК. Встретил я только что черноморского урядника. Он мне знаком – был прошлого года в отряде. Как я ему сказал, где мы остановились, а он мне: «Здесь, брат, нечисто, люди недобрые!»

ОФИЦЕР. Полно вздор молоть.

ДЕНЩИК. Да и в самом деле, что это за слепой? Ходит везде один, и на базар, и за хлебом, и за водой...

ОФИЦЕР. По крайней мере, показалась ли хозяйка?

ДЕНЩИК. Да вон она сидит, еду готовит. Нищая, бедная, а обед такой, что комендант позавидует. И дочь ее тут же вертелась.

ОФИЦЕР. Какая дочь? У нее нет дочери.

ДЕНЩИК. А бог ее знает, кто она, коли не дочь. Да вон, кажись, она сама идет.

Входит Девушка с длинными распущенными волосами. Офицер смотрит на нее. Девушка останавливается. Их взгляды встречаются. Звучит музыка. Наконец, улыбнувшись, Девушка уходит.

ОФИЦЕР. Какая красавица!

ДЕНЩИК. Настоящая русалка.

Офицер подходит к старухе.

ОФИЦЕР. Здравствуй, хозяйка!

Старуха не отвечает.

Скажи, а куда девался твой муж? Умер, что ли?

СТАРУХА. Что?

ОФИЦЕР. Я спрашиваю, где хозяин. Уехал или умер?

СТАРУХА. Не знаю.

ОФИЦЕР. Как не знаешь?

Старуха не отвечает.

А это здесь дочь твоя была? Она с тобой живет?

Старуха не отвечает. Офицер в раздражении кричит.

Ты что молчишь?

СТАРУХА. Глухая я, батюшка.

ОФИЦЕР. Я спрашиваю – это дочь твоя сейчас приходила?

СТАРУХА. Не знаю.

ОФИЦЕР. А откуда у тебя деньги на такой роскошный обед?

СТАРУХА. Ничего на слышу, барин.

ДЕНЩИК. Эта глухая, тот слепой... Что за народ! Нечисто здесь.

Офицер останавливает Слепого, который направлялся в лачугу с охапкой хворосту.

ОФИЦЕР. Стой!

Слепой роняет сучья. Офицер хватается за ворот.

Ну-ка, слепой чертенок, куда ты ночью таскался?

СЛЕПОЙ. Що?

ОФИЦЕР. *(Тряхнув его.)* Куда ты ночью ходил?

СЛЕПОЙ. *(Причитая.)* Куды я ходив?.. Никуда ни ходив...

ОФИЦЕР. А ну, не валяй дурака. Ходил, да еще с узлом.

СЛЕПОЙ. З узлом? З яким узлом?

СТАРУХА. Вот придумывают, да еще на убогого! Говорит же он, что никуда не ходил, чего же вы к нему пристали?

ОФИЦЕР. Что, старая? Услышала? Ты же глухая!

СЛЕПОЙ. Никуды я не ходив...

ОФИЦЕР. Ночью ты прекрасно изъяснялся по-русски, а сейчас прикидываешься, что говоришь только малороссийским наречием. Говори, что ты там делал, мошенник!

СТАРУХА. За что вы его? Пустите! Что он вам сделал?

СЛЕПОЙ. *(Продолжая скулить.)* Никуды я не ходив...

ДЕНЩИК. Оставьте их, ваше благородие. Разве от этого жулья чего-нибудь добьешься?

Раздосадованный Офицер отпускает Слепого. Тот подбирает хвост и скрывается в лачуге. Входит Комендант.

КОМЕНДАНТ. К сожалению, ничем не могу вас обрадовать. Кораблей на Кавказ сегодня не будет.

ОФИЦЕР. Да, весть неутешительная. Сколько же еще времени мне придется здесь прожить?

КОМЕНДАНТ. Трудно сказать. Быть может, дни три-четыре, пока не придет почтовое судно, а потом увидим.

ОФИЦЕР. Три дня!

КОМЕНДАНТ. Куда вы спешите?

ОФИЦЕР. Никуда. Но сидеть на одном месте безбожно скучно.

КОМЕНДАНТ. Вам приходится ездить?

ОФИЦЕР. С тех пор, как я выехал из России, я нахожусь в непрерывном странствовании то на перекладной, то верхом. Изъездил нашу укрепленную линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже...

КОМЕНДАНТ. Что ж, не худо будет день-другой передохнуть.

ОФИЦЕР. Теперь уж волей-неволей придется.

КОМЕНДАНТ. Давно из Петербурга?

ОФИЦЕР. Тому немало месяцев.

КОМЕНДАНТ. По доброй воле или...

ОФИЦЕР. *(После паузы.)* Нет, не по доброй. Но без сожалений.

КОМЕНДАНТ. Натворили глупостей?

ОФИЦЕР. Пожалуй. Я имел глупость вести себя порядочным человеком.

КОМЕНДАНТ. И только за это вас перевели из лейб-гвардии в пехоту и сослали на Кавказ?

ОФИЦЕР. Вы уже знаете?

КОМЕНДАНТ. Относительно вас пришло секретное предписание.

ОФИЦЕР. О негласном надзоре? Это для меня не секрет. Прошу вас, дайте знать, если появится подходящее судно.

Офицер уходит в дом. Денщик почтительно приближается к Коменданту.

ДЕНЩИК. Разрешите спросить, ваше благородие.

КОМЕНДАНТ. Что тебе, братец?

ДЕНЩИК. Нельзя ли нам предоставить другую квартиру?

КОМЕНДАНТ. А чем эта плоха?

ДЕНЩИК. И грязно, и холодно.

КОМЕНДАНТ. А здесь тебе не Петербург, а военная крепость. Привыкать надо.

ДЕНЩИК. Да мы привыкли, ваше благородие. Беда в другом. Неладное это место.

КОМЕНДАНТ. Это ты об чем?

ДЕНЩИК. Народ здесь подозрительный.

КОМЕНДАНТ. Хозяева, что ли?

ДЕНЩИК. Они.

КОМЕНДАНТ. Люди как люди. Ни в чем дурном пока не замечены.

ОФИЦЕР. *(Появляясь на крыльце, обращается к Коменданту.)* Скажите, как тут у вас убивают время?

КОМЕНДАНТ. *(Пожав плечами.)* Кто как...

ОФИЦЕР. Общество есть?

КОМЕНДАНТ. Вечерами офицеры собираются у Эмилии, играют в карты, пьют вино... Если это считать обществом...

ОФИЦЕР. Что за Эмилия?

КОМЕНДАНТ. Итальянка, держит заведение. У нее бывает порядочное вино.

ОФИЦЕР. Итальянка? Как ее сюда занесло?

КОМЕНДАНТ. Что вы хотите – Черное море... Кого здесь только не встретишь – и итальянцев, и греков, и турок...

ОФИЦЕР. Она молода?

КОМЕНДАНТ. Да уж не стара.

ОФИЦЕР. И хороша собою?

КОМЕНДАНТ. Недурна. Я смотрю, вы живо ею заинтересовались. Загляните в заведение, посмотрите сами. Только не советую за ней ухаживать.

ОФИЦЕР. Ревнивый муж?

КОМЕНДАНТ. Нет, она свободна. Но сердце ее занято.

ОФИЦЕР. Кем же?

КОМЕНДАНТ. Не мной и не вами. Какая разница? Все равно вы скоро уедете.

ОФИЦЕР. И то верно.

КОМЕНДАНТ. До свидания. Будет скучно, приходите вечером развлечься. *(Уходит.)*

Пока Офицер разговаривал с Комендантом, Старуха, забрав почищенные овощи, ушла в хату. Ушел и денщик. Офицер, оставшись один, задумчиво смотрит в даль моря. Вместе с тихой мелодией звучит его голос.

ГОЛОС ОФИЦЕРА. Часто, пробегая мыслию прошедшее, я спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на путь, открытый мне судьбой, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долей! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце. Он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там, на бледной черте, отличающей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-помалу отделяющийся от пены валунов и ровным бегом приближающийся к пустынной пристани...

Звучит протяжный напев – знакомый женский голос поет песню без слов. В этой песне печаль и ожидание, задумчивость и зов. Офицер поднимает голову и видит на

скале Девушку. Волосы ее развеваются на ветру. Она пристально всматривается в морскую даль, умолкает, смеется, снова запекает.

ДЕВУШКА.

Как по вольной волюшке –
По зелено морю
Ходят все кораблики
Белопарусники.
Промеж тех корабликов
Моя лодочка,
Лодочка неснащенная,
Двухвесельная.
Буря ль разыграется –
Старые кораблики
Приподымут крылышки,
По морю размечутся.
Стану морю кланяться
Я низехонько:
«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку,
Везет моя лодочка
Вещи драгоценные,
Правит ею в темну ночь
Буйная головушка.»

Песня кончилась, но мелодия продолжает звучать. Стройная фигура Девушки изгибается в прихотливом танце. Она сбегает со скалы и останавливается перед офицером, пристально глядя ему в глаза и как будто удивленная его присутствием. Офицер хочет ей что-то сказать, но в это время на крыльце появляется Старуха.

СТАРУХА. Ты опять здесь? Уходи!

ДЕВУШКА. Кому я мешаю?

СТАРУХА. Незачем тебе здесь вертеться.

ДЕВУШКА. А где прикажешь вертеться? В лодке? На пристани?

СТАРУХА. Ступай, ступай, тебя дело ждет.

ДЕВУШКА. Какое дело?

СТАРУХА. Какое-какое... Сама знаешь.

ДЕВУШКА. Оно уже сделано.

СТАРУХА. Поговори у меня!

Девушка, смеясь, убегает, бросив взгляд на Офицера. Издали доносится ее пение.

ОФИЦЕР. Ты зачем ее прогнала?

СТАРУХА. Прогнала и прогнала. Значит, так надо.

ОФИЦЕР. Отчего же надо?

СТАРУХА. Ты, батюшка, в наши дела не мешайся.

ОФИЦЕР. А какие у вас такие дела?

СТАРУХА. Что?

ОФИЦЕР. Опять оглохла?

СТАРУХА. А?

Офицер, махнув рукой, отворачивается. Старуха ковыляет прочь. Из дому, зевая, выходит Деничик.

ДЕНИЧИК. Ваше благородие, может, чайку нагреть? Дело к вечеру уже.

ОФИЦЕР. Что ж, нагрей, пожалуй.

Деничик, взяв большой чайник, возвращается в дом. Снова появляется Девушка. Улыбнувшись Офицеру, она хочет пройти мимо, но Офицер останавливает ее.

Скажи-ка мне, красавица, что ты делала недавно на скале?

ДЕВУШКА. А смотрела, куда ветер дует.

ОФИЦЕР. Зачем тебе?

ДЕВУШКА. Откуда ветер, оттуда и счастье.

ОФИЦЕР. Что же, ты песнею зазывала счастье?

ДЕВУШКА. Где поется, там и счастливится.

ОФИЦЕР. А как неравно напоешь себе горе?

ДЕВУШКА. Ну что ж? Где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять недалеко.

ОФИЦЕР. Кто же тебя выучил эту песню?

ДЕВУШКА. Никто не выучил. Вздумается, запою; кому услышать, тот услышит; а кому не должно слышать, тот не поймет.

ОФИЦЕР. А что в ней понимать? Песня как песня.

ДЕВУШКА. Во всякой песне тайна есть.

ОФИЦЕР. Выходит, ты не для меня ее пела?

ДЕВУШКА. Может, и для вас.

ОФИЦЕР. Так научи и меня, споем вместе.

ДЕВУШКА. Хорошо.

Девушка и Офицер поют вместе.

Стану морю кланяться
Я низехонько:
«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку,
Везет моя лодочка
Вещи драгоценные,
Правит ею в темну ночь
Буйная головушка.»

ОФИЦЕР. Как зовут тебя, моя певунья?

ДЕВУШКА. Кто крестил, тот знает.

ОФИЦЕР. А кто крестил?

ДЕВУШКА. Почему я знаю?

ОФИЦЕР. Почему ты ни на один вопрос не отвечаешь?

ДЕВУШКА. А почему вы все время спрашиваете?

ОФИЦЕР. Хочу с тобой ближе познакомиться. А ты?

ДЕВУШКА. Что я?

ОФИЦЕР. Ты этого не хочешь?

ДЕВУШКА. Может, и хочу. Но я же вопросов не задаю, а просто пою. Пойте и вы.

ОФИЦЕР. (Громко.) Митька!

На крыльце появляется Деничик.

Гитару!

ДЕНЩИК. Слушаюсь. *(Исчезает и появляется вновь с гитарой.)*

ОФИЦЕР. *(Взяв гитару.)*

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает.

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится.

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

Офицер, отложив гитару, хочет обнять Девушку, но она, засмеявшись, уворачивается и исчезает.

ДЕНЩИК. Прелесть, что за девка! Ручки, ножки... А гнется, как травинка.

ОФИЦЕР. Да, брат, в ней много породы, а порода в женщинах, как и лошадях, великое дело. Есть в ней что-то такое...

ДЕНЩИК. Хороша, хороша...

ОФИЦЕР. Решительно, я никогда подобной женщины не видывал.

Денищик уносит гитару. Снова появляется Девушка.

ОФИЦЕР. Я уж думал, ты больше не придешь.

ДЕВУШКА. А вот пришла.

ОФИЦЕР. Подойди ближе, чего боишься.

ДЕВУШКА. Кого мне бояться? *(Делает несколько шагов.)*

Из-за угла осторожно появляется Слепой. Подобрал с земли большой кол, он подкрадывается к беседующей паре.

ОФИЦЕР. Еще ближе.

ДЕВУШКА. Мне и здесь хорошо.

ОФИЦЕР. Тогда я подойду.

ДЕВУШКА. Подходите, если хотите.

ОФИЦЕР. *(Приближаясь к ней.)* Не убежишь?

ДЕВУШКА. Убегу, так догоните.

ОФИЦЕР. *(Подходя к ней вплотную и беря ее за плечи.)* Кто тебя поймет?

ДЕВУШКА. Кто захочет. *(Внезапно кричит.)* Брось палку!

Офицер резко оборачивается. За ним стоит Слепой с колом в поднятых руках.

ОФИЦЕР. *(Невольно хватаясь за шашку.)* Ты что?

Слепой роняет кол.

ДЕВУШКА. Иди, иди отсюда. *(Толкает Слепого. Тот покорно уходит.)*

ОФИЦЕР. Что с ним?

ДЕВУШКА. Не бойтесь его, он смирный.

ОФИЦЕР. Его бояться? Мне? Что за фантазия... Почему он тут живет? Кто он тебе?

ДЕВУШКА. Никто.

ОФИЦЕР. А муж у тебя есть?

ДЕВУШКА. *(Смеется.)* Хотите посвататься?

ОФИЦЕР. Значит, свободна?

ДЕВУШКА. Может - да, может - нет. Вам что за нужда знать?

ОФИЦЕР. Экая скрытная! А я вот все равно кое-что про тебя узнал. *(Пристально смотрит Девушке в лицо.)*

ДЕВУШКА. *(Спокойно выдерживает его взгляд)* .В самом деле?

ОФИЦЕР. *(Медленно.)* Я, например, узнал, что ты вчера ночью была на берегу.

ДЕВУШКА. *(Помолчав.)* И что же?

ОФИЦЕР. *(С легким злорадством.)* Я видел все: и как вы встретились со слепым, и как причалила лодка, и как из нее вышел молодец в татарской шапке, и как вы выгружали товар. *(После паузы.)* Ну? Что ты мне на это скажешь?

Девушка молчит, потом вдруг начинает звонко смеяться.

Ну что ты все хохочешь? Небось и не догадывалась, что я так много видел? И лодочку, и буйну головушку и ... *(понижив голос)* и вещи драгоценные. Нету в твоей песне для меня тайны.

ДЕВУШКА. *(Снова смеется.)* Много видели, да мало знаете; а что знаете, так держите под замочком.

ОФИЦЕР. *(Раздосадованный.)* И ты ничуть не боишься?

ДЕВУШКА. *(Смеется.)* Вас? Нисколько.

ОФИЦЕР. *(Уязвленный.)* А если бы я, например, вздумал донести коменданту?

Девушка, продолжая смеяться, пританцовывает и напевает.

ДЕВУШКА. *(Поет.)* Если, если, если... *(Внезапно, прервав танец, исчезает.)*

ОФИЦЕР. Постой, куда же ты? Я пошутил!

Но Девушка исчезла. Тишина. Вечереет. Офицер, закури́в трубку, размышляет в одиночестве.

ГОЛОС ОФИЦЕРА. Что я – влюблен? Ничуть не бывало!.. Быть может, я завлекся трудностью предприятия? Тоже нет. Значит, это не та беспокойная потребность любви, которая нас мучит в первые годы молодости, бросает нас от одной женщины к другой, пока мы не найдем такую, которая нас терпеть не может, и вот тут-то начинается наше постоянство...

А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге; авось кто-нибудь да подымет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути. Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти. Честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде: я стремлюсь возбуждать к себе чувство любви, преданности, страха...

Но куда она исчезла? Почему нейдет?.. Уж не влюбился ли я в самом деле?.. Какой вздор!

Входит Денщик с горячим чайником.

ДЕНЩИК. А где русалка?

ОФИЦЕР. *(Очнувшись от размышлений.)* Что? Почему русалка?

ДЕНЩИК. Русалка и есть. Где ж она?

ОФИЦЕР. Вильнула хвостом и уплыла в море.

ДЕНЩИК. А что? Вполне может быть, что у нее действительно есть хвост.

ОФИЦЕР. Я сам видел у нее ножки. И прехорошенькие.

ДЕНЩИК. Это ничего не значит. Сама уплывет и вас в воду затащит. Я бы поостерегся.

Деничик наливает Офицеру чай и возвращается в хату. Офицер неторопливо пьет. Слышится шорох. Офицер вздрагивает и оборачивается. Перед ним стоит Девушка. Она садится против Офицера и безмолвно устремляет на него свой взгляд. Лицо ее бледно, рука без цели бродит по столу. Офицер, неожиданно смутившись, смотрит на нее, не зная, что сказать. Внезапно Девушка вскакивает, обвивает его руками и крепко целует. Офицер страстно обнимает ее в ответ. После продолжительных объятий она змеей выскользывает из его рук.

ДЕВУШКА. Нынче в полночь выходи на берег. *(Стремительно убегает, чуть не натолкнувшись на выходящего из хаты Деничика.)*

ДЕНЩИК. Экий бес-девка!

Деничик, взяв чайник, уходит. Офицер, стряхнув оцепенение, выходит на берег. Снова где-то поет одинокий женский голос, звучит мелодия моря, шум ветра спорит с криками чаек.

Конец первой части

Часть вторая

Сцена третья

Офицерская вечеринка в заведении Эмили. Слуги разносят вина, закуски, сласти. Небольшой оркестр развлекает гостей веселой музыкой. Офицеры играют в карты, пьют вино. Несколько пар танцуют.

ХОР.

Кубок янтарный
Полон давно –
Пеною парной
Блещет вино.
Света дороже
Сердцу оно.
Ну? за кого же
Выпью вино?

Пейте за радость
Юной любви –
Скроется младость,
Други мои...
Кубок янтарный
Полон давно.
Я – благодарный –
Пью за вино!*

Входит Офицер.

КОМЕНДАНТ. Добрый вечер. Все-таки решили прийти?

ОФИЦЕР. Спать рано – еще и девяти нет. Надо же куда-то деваться.

КОМЕНДАНТ. Так и мы все, что бы себе ни намечали, какие бы планы ни строили, а вечером неизменно оказываемся у Эмили. Одних привлекает вино, других – хозяйка, третьих – карты... Вы не играете?

ОФИЦЕР. Теперь нет. Я вошел во вкус войны, а для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, другие удовольствия кажутся приторными.

КОМЕНДАНТ. Мы все тут люди военные, однако от картишек не отказываемся. Впрочем, каждому свое.

Офицер подходит к свободному столику и садится. К нему торопится Слуга.

СЛУГА. Малаги, хересу, бордо?

ОФИЦЕР. Кахетинского.

СЛУГА. Сей момент.

* Стихотворение А.С. Пушкина

Офицер, посмотрев на часы – ждать еще долго, - скучающим взглядом обводит игроков, оркестр, танцующие пары. Не найдя ничего для себя интересного, он не спеша принимается за вино. Танцы и игра в карты продолжаются.

ПЕРВЫЙ ИГРОК. Я ставлю.

БАНКОМЕТ. Извольте.

ПЕРВЫЙ ИГРОК. Тридцать рублей.

БАНКОМЕТ. Идет.

ВТОРОЙ ИГРОК. Плохо, плохо семпелями.

ТРЕТИЙ ИГРОК. Надо гнуть.

Входит Вулич – смуглый черноволосый офицер, стройный, подтянутый, сдержанный. На его губах блуждает холодная улыбка.

ОФИЦЕР. Вулич! Вы? Вот неожиданная встреча.

ВУЛИЧ. *(Пожимая Офицеру руку.)* Какими судьбами?

ОФИЦЕР. Проездом. Направлен в действующий отряд.

ВУЛИЧ. *(Понимающе кивнув.)* За что?

ОФИЦЕР. Не стоит об этом. Расскажите лучше о себе. Как живется на Черном море?

ВУЛИЧ. *(Садится и наливает себе вина.)* Как везде. Плохо только то, что здесь либо так жарко, что насилу ходишь, либо так холодно, что дрожь пробирает, либо есть нечего, либо денег нет, - именно что со мною теперь.

ОФИЦЕР. Как всегда, играете?

ВУЛИЧ. И, как всегда, проигрываю.

ОФИЦЕР. Не женились еще?

ВУЛИЧ. Признаться ли? Надо мною слово «жениться» имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться, - прости, любовь! мое сердце превращается в камень, и ничто не разогреет его снова. Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь свою поставлю на карту... но свободы моей не продам.

ОФИЦЕР. Отчего вы так дорожите ею? Что вам в ней?

ВУЛИЧ. Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страх, неизъяснимое предчувствие... Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей...

ОФИЦЕР. И даже за молодыми казачками не волочитесь?

ВУЛИЧ. Не нахожу в том интереса.

ОФИЦЕР. Они же прелестны.

ВУЛИЧ. Я знаю только одну страсть – к игре.

ОФИЦЕР. Ищете богатства?

ВУЛИЧ. Нет, спасенья от скуки. Понимаете... *(Прерывая сам себя.)* Впрочем, что вам объяснять – вы сами такой же. *(Выходит.)*

За карточным столом продолжается игра. Один из игроков, молодой красивый поручик СЕРЖ делает ставку.

СЕРЖ. Господа, ставлю последний раз. Сегодня мне решительно не везет.

БАНКОМЕТ. Извольте.

СЕРЖ. Двадцать рублей.

БАНКОМЕТ. Ваша карта бита.

ПОРУЧИК. Все. Ты проигрался, Серж.

СЕРЖ. *(Беспечно.)* Пустыки. Повезет в любви.

ПОРУЧИК. И что тебя привлекает больше – любовь или игра?

СЕРЖ. Конечно, любовь. Во-первых, это тоже игра. И во-вторых, любовь!

ПОРУЧИК. Что ж, желаю тебе успеха у твоей червонной дамы.

СЕРЖ. Пока мне с нею тоже не везет, но я не теряю надежды.

ПОРУЧИК. Что-то этой дамы не видно.

СЕРЖ. Сейчас мы ее позовем. *(Берет гитару и начинает на разные лады громко петь слово «Эмилия», смешно подражая итальянским певцам.)* Эмилия!.. Эмилия!.. Эмилия!..

Входит Эмилия, красивая золотоволосая итальянка. В ее речи чувствуется легкий нерусский акцент.

ЭМИЛИЯ. Кто меня зовет?

СЕРЖ. Все! Эмилия, мы без тебя скучаем.

ЭМИЛИЯ. Кто же мешает вам веселиться? *(Слуге.)* Налей всем вина. *(Обходит гостей.)*

Пейте, господа, я рада вас видеть.

Гости оживляются. Музыканты настраивают инструменты. Эмилия, кажется, ищет кого-то взглядом и, видимо, не находит. На лице ее отражается чуть заметное разочарование. Перед столиком Офицера она задерживается.

Вы здесь в первый раз? Я не знакома с вами.

ОФИЦЕР. *(Вставая и целуя ей руку.)* Странствующий офицер и с этой минуты ваш поклонник, сударыня. Завтра, возможно, меня уже здесь не будет, и вам нет нужды запоминать мое имя.

ЭМИЛИЯ. Надеюсь, вам здесь понравится. *(Хочет уйти.)*

СЕРЖ. Постой, Эмилия! Почему ты от нас сегодня скрываешься?

ЭМИЛИЯ. Я не скрываюсь. Но у меня дела.

Возвращается Вулич и вновь подсаживается за столик Офицера.

СЕРЖ. *(С преувеличенной пылкостью падая на колени.)* Божественная Эмилия, не будь столь жестокой. Ты видишь, я у твоих ног.

ЭМИЛИЯ. *(Улыбаясь.)* Хорошо, Серж. Я остаюсь. Когда так просят, отказать невозможно. Но почему, в самом деле, вы так унылы, господа? Давайте споем! *(Делает знак музыкантам и начинает петь.)*

Quant'è bella giovinezza
che si fugge tuttavia!
Chi vuol esser lieto, sia!
Di Doman non c'è certezza.

ХОР.

Quant'è bella giovinezza
che si fugge tuttavia!
Chi vuol esser lieto, sia!
Di Doman non c'è certezza.

ЭМИЛИЯ.

Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь,
Счастья хочешь, счастлив будь

Нынче. Завтра – неизвестно!

ХОР.

Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь,
Счастья хочешь, счастлив будь
Нынче. Завтра – неизвестно!

ЭМИЛИЯ. *(Подойдя к Вуличу и глядя ему в лицо.)*

Счастья хочешь, счастлив будь
Нынче. Завтра – неизвестно!*

Песня окончена. Возгласы «Браво!», «Превосходно!» и т. п. Офицер наклоняется к Вуличу.

ОФИЦЕР. Браво, Вулич! Вас можно поздравить.

ВУЛИЧ. *(Непроницаемо.)* Не понимаю, о чем вы.

ОФИЦЕР. Золотоволосая итальянка к вам явно равнодушна.

ВУЛИЧ. Почему вы решили?

ОФИЦЕР. Как она на вас посмотрела!

ВУЛИЧ. Я не привык толковать женские взгляды в свою пользу.

ОФИЦЕР. Однако не слепой же вы! На вашем месте я знал бы, что делать.

ВУЛИЧ. Шутки и советы по этому поводу я нахожу совершенно неуместными.

Офицер, пожав плечами, отходит. Эмилия приближается к Вуличу.

ЭМИЛИЯ. Вы давно не приходили сюда. Почему?

ВУЛИЧ. У меня не было денег.

ЭМИЛИЯ. При чем тут они?

ВУЛИЧ. Не на что было играть.

ЭМИЛИЯ. Значит, вы ходите сюда только потому, что...

ВУЛИЧ. Я хожу сюда, потому что мне скучно.

ЭМИЛИЯ. И кроме карт, вас сюда больше ничто не влечет?

ВУЛИЧ. Кстати, сегодня у меня в кармане несколько монет. Надо их проиграть. *(Хочет идти к игорному столу.)*

ЭМИЛИЯ. *(Удерживая его.)* Пойдите. Я не могу понять. Почему вам скучно? У вас есть ум, воля, знания...

ВУЛИЧ. *(Снова прерывая.)* Именно потому я и скучаю. Извините.

Отходит к игорному столу и включается в игру. Эмилия, кусая губы, направляется к выходу, но ее опять удерживает Серж.

СЕРЖ. Вы все-таки ускользаете, кара мия? Нет-нет, никуда я вас не пущу. Извольте послушать романс, который я сочинил в вашу честь.

Серж усаживает упирающуюся Эмилию, берет гитару и поет романс. Эмилия слушает его, поневоле улыбаясь.

Она поет – и звуки тают,
Как поцелуи на устах,

* Итальянский текст песни принадлежит Лоренцо Медичи, перевод И.Бунина.

Глядит – и небеса играют
 В ее божественных глазах;
 Идет ли – все ее движенья,
 Иль молвит слово – все черты
 Так полны чувства, выраженья,
 Так полны дивной простоты.

Отбросив гитару, Серж подхватывает Эмилию и кружится с нею в танце. Офицеры аплодируют им.

ЭМИЛИЯ. *(Сделав шутливый реверанс.)* Грации, синьор.

СЕРЖ. Это вам грации, синьора. Как видите, русские офицеры умеют веселиться, и не все они холодны и черствы, как... как некоторые. А теперь идемте к столу. Сегодня вы будете моей гостьей и повелительницей. Эй, кто там? Шампанского!

Эмилия, бросив взгляд на Вулича, берет Сержа под руку.

ЭМИЛИЯ. Спасибо, Серж, вы очень милы.

Эмилия садится с ним за столик и оживленно разговаривает, громко смеясь. Вулич по-прежнему занят игрой. Комендант с весьма довольным видом отходит от игорного стола, пряча в карман деньги, и подсаживается к компании офицеров.

ОФИЦЕР. Много выиграли?

КОМЕНДАНТ. Да, на этот раз фортуна была ко мне благосклонна.

КАПИТАН. Чего нельзя сказать обо мне.

ПОРУЧИК. *(Глубокомысленно.)* Бывают дни везучие и невезучие.

КАПИТАН. *(Иронически.)* Очень тонкая мысль.

ПОРУЧИК. Вся штука в том, как угадать, что тебе на этот день суждено. Если бы можно было знать, что, например, на сегодня тебе предопределен выигрыш, то можно было бы смело ставить на кон все свое имение. А если судьба назначила на этот день проигрывать, то тогда к картам лучше и не прикасаться.

КАПИТАН. Что за чушь вы говорите, поручик. Что значит «предопределено»? Предопределения нет, есть только случай.

ПОРУЧИК. Не скажите. Мусульмане недаром верят, что судьба человека записана на небесах. Он еще только родился, а ему уже все определено: и когда выиграет, и когда проиграет, и когда женится, и когда умрет.

КАПИТАН. Вздор. Выходит, если я завтра выйду в отставку и женюсь, так это было предопределено тридцать два года назад?

ПОРУЧИК. Именно так. Вот, мне рассказывали случай. Один моряк как-то ухитрился узнать предопределенный ему час смерти.

КОМЕНДАНТ. Интересно, каким образом.

ПОРУЧИК. Через какого-то гадалщика, я уж не знаю как. Не в этом дело. Он после этого попадал и в бурю, и в кораблекрушения, и в изрядные перестрелки, многожды тонул, болел и чумой, и лихорадкой – и, представьте себе, ничего! А потому вдруг умер в своей постели, будучи совершенно здоровым и совсем еще молодым. Потому что наступил предопределенный час.

Вокруг спорящих постепенно собираются слушатели.

КАПИТАН. Выходит, поручик, если я сейчас вот этим кинжалом перережу вам горло, так вы не умрете?

ПОРУЧИК. Почему же не умру?

КАПИТАН. Потому что ваш час не предопределен.

ПОРУЧИК. А вдруг предопределен? И как раз в это время?

КАПИТАН. Тогда вы все равно умрете, перережу я вам горло или нет. Так что же, сделаем опыт?

ПОРУЧИК. Нет уж, увольте. Делайте опыты, если хотите, на себе.

КАПИТАН. Мне тоже рассказывали удивительную историю. Одной девушке было предсказано, что ее жених умрет в день венчания. Само собою, все женихи стали от нее отказываться. Но все-таки нашелся один смельчак, который судьбы не побоялся, тем более, девушка, как говорят, была редкая красавица. И вот, наступил день свадьбы, все в волнении, но, представьте себе, решительно ничего страшного не происходит. Свадьба уже сыграна, молодых провожают в их горницу, и тут бы ему ласкать свою милую, так нет... Пришло ему зачем-то в голову спросить квасу.

КОМЕНДАНТ. И что же?

КАПИТАН. Подавился, задохся и тут же умер.

ЭМИЛИЯ. О мадонна! *(Крестится.)* Почему вам хочется слушать и рассказывать такие ужасные вещи? Я лучше пойду.

СЕРЖ. *(Поспешно.)* Дорогая, вы никуда не уйдете. Господа! Прекратите ваши скучные и мрачные споры о смерти и предопределении. Извините, но я нахожу, что они бессвязны и пусты, как разговоры всех людей, которым нечего делать. Какая нам разница, записана наша судьба наперед или нет?

ОФИЦЕР. Возможно, эти разговоры пусты, но скажите, об чем могут говорить молодые люди? Запас новостей скоро истощается, в политику благоразумие мешает пускаться, об службе и так слишком много толкуют на службе...

СЕРЖ. А женщины?

ОФИЦЕР. А женщины в наш варварский век утратили вполовину свое всеобщее влияние. Влюбиться кажется уже стыдно, говорить об этом смешно.

СЕРЖ. А мне быть влюбленным вовсе не стыдно. И если кому-нибудь это кажется смешным, смейтесь на здоровье, я не обижусь.

КАПИТАН. Что вы, Серж, никто и не думает смеяться. Мы вам только завидуем.

СЕРЖ. Увы, пока завидовать нечему. Если наша судьба действительно записана наперед в каких-то таинственных свитках, то хотел бы я знать, что ждет меня сегодня ночью.

Не буду ли я наконец вознагражден за свою любовь? *(Хочет обнять Эмилию.)*

ЭМИЛИЯ *(Уклоняясь от объятий.)* Серж, вы слишком много выпили и будете вознаграждены крепким сном. До свидания.

СЕРЖ. *(Удерживая Эмилию.)* Мадонна, я вас не отпущу от себя ни на шаг. Вы же обещали весь этот вечер принадлежать мне.

ЭМИЛИЯ. Разве? Я не помню.

СЕРЖ. Но, Эмилия! Хотя бы один вечер! На большее я уже не смею надеяться.

ЭМИЛИЯ. Я тоже не смею. Сколько мужчин вымаливали у меня один вечер или чуть больше, но никто не просил всей жизни.

СЕРЖ. А вы бы ее отдали?

ЭМИЛИЯ. Смотря кому.

СЕРЖ. Мне, к примеру.

ЭМИЛИЯ. Вам? Нет. Вы слишком несерьезны.

СЕРЖ. А вы слишком жестоки. *(Берет гитару и начинает петь.)*

Красотка Эмилия
Белее, чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится,

И небо Италии
В глазах ее светится...

Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии!

Смех, аплодисменты. Эмилия шутливо грозит Сержу пальцем. Офицер подходит к Вуличу, поглощенному игрой.

ОФИЦЕР. Вулич, вам не надоело играть?

ВУЛИЧ. Нисколько. Я мечу банк, и мне ужасно везет. *(Показывает на грудку лежащих перед ним золотых монет.)* Глядите, в один час я вернул себе все, что проиграл за год.

ОФИЦЕР. Смотрите, не увлекайтесь. Как говорится, пей, да не напивайся, люби, да не влюбляйся, играй, да не отыгрывайся.

ВУЛИЧ. Нет, сегодня мой день. Я это чувствую, я решительно знаю. *(Игрокам.)* Чья очередь?

ИГРОК. Я пропускаю. За тебя сегодня сам дьявол.

СЕРЖ. А я, пожалуй, рискну.

Вокруг игроков собирается несколько любопытных.

ВУЛИЧ. Сколько ставишь?

СЕРЖ. Двадцать червонцев.

ВУЛИЧ. Что так мало?

СЕРЖ. Боюсь. Тебе сегодня везет, мне – нет.

ВУЛИЧ. Везет смелым. Ставь, не бойся.

СЕРЖ. Хорошо. Сто червонцев. Где наша не пропадала.

ВУЛИЧ. Сто червонцев? Этак мы до утра не кончим. Иди ва-банк!

СЕРЖ. Хочешь меня по миру пустить?

ВУЛИЧ. Ладно, сто червонцев.

СЕРЖ. Нет уж, ва-банк.

КАПИТАН. Ты с ума сошел!

СЕРЖ. Ва-банк!

ПОРУЧИК. Вот это игра!

ЭМИЛИЯ. *(Вполголоса Вуличу.)* Если вы проиграете, опять будете нищим?

ВУЛИЧ. А зачем мне деньги? *(Сержу.)* Назначьте карту.

СЕРЖ. Идет семерка.

КАПИТАН. Ну, Вулич, докиньте талью.

Все в напряженном внимании следят за игрой.

ВУЛИЧ. Семерка дана. *(Швыряет карты.)*

Шум, восклицания. Серж придвигает к себе золото.

КОМЕНДАНТ. У вас, Вулич, конечно, не осталось ни гроша.

ВУЛИЧ. *(Хладнокровно.)* Нет, почему же. Целых пять или шесть червонцев.

КОМЕНДАНТ. И что же вы собираетесь с ними делать?

ВУЛИЧ. Как что? Играть! *(Возвращается к столу.)* Дайте мне карту.

ОФИЦЕР. *(В очередной раз взглянув на часы.)* Как медленно тянется время! Мне кажется, полночь никогда не наступит!

ПОРУЧИК. Зачем вы ждете, чтобы она наступила? В полночь будет такая же тоска, как и сейчас.

ОФИЦЕР. *(С иронией.)* Совершенно с вами согласен. Но в двенадцать часов мне преопределено лечь спать и тем уберечь себя от скуки.

ПОРУЧИК. Напрасно изволите иронизировать. Наша судьба написана наперед, это ясно, как божий день. Здесь уже были даны тому подтверждения, а все мы можем рассказать истории еще более удивительные.

КОМЕНДАНТ. Все это, господа, ничего не доказывает. Ведь никто из нас не был свидетелем тех странных случаев, которыми вы подтверждаете свои мнения?

КАПИТАН. Лично я – нет.

ПОРУЧИК. Я тоже. Но мы слышали от верных людей...

ОФИЦЕР. *(Резко.)* Все это вздор! Где эти верные люди, видевшие список, на котором назначен час нашей смерти? И если есть преопределение, то зачем же нам дана воля, рассудок? Почему мы должны давать отчет в своих поступках?

Вулич оставляет игру и подходит к беседующим офицерам.

ВУЛИЧ. Господа! К чему пустые споры? Вы хотите доказательств? Я вам предлагаю испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута... Кому угодно?

КОМЕНДАНТ. Только не мне!

ПОРУЧИК. И не мне!

КАПИТАН. Вот чудак! Придет же такое в голову!

ОФИЦЕР. *(Шутливо.)* Предлагаю пари!

ВУЛИЧ. Какое?

ОФИЦЕР. *(Смеясь.)* Утверждаю, что нет преопределения. *(Выворачивает карманы и высыпает на стол деньги.)* Вот двадцать червонцев - все, что у меня есть с собою.

ВУЛИЧ. *(Глухим голосом.)* Держу.

Молчание.

Комендант, вы будете судьей. Вот пятнадцать червонцев, остальные пять вы мне должны и сделаете мне дружбу прибавить их к этим.

КОМЕНДАНТ. *(Растерянно.)* Хорошо. *(Достаёт пять червонцев и кладет их на стол.)*

Только не понимаю, право, в чем дело и как вы решите спор.

ВУЛИЧ. *(Офицеру.)* Ваш пистолет при себе?

ОФИЦЕР. Да, конечно.

ВУЛИЧ. Дайте его мне.

Офицер отстегивает от пояса пистолет и протягивает его Вуличу.

Благодарю.

Все в недоумении следят за действиями Вулича. Тот осматривает пистолет, взводит курок и насыпает на полку порох.

ПОРУЧИК. Что ты хочешь делать?

КАПИТАН. Послушай, это сумасшествие!

КОМЕНДАНТ. Господа, да что же это такое? Остановите его!

Капитан и Поручик хватают Вулича за руки.

ВУЛИЧ. *(Хладнокровно.)* Господа, кому угодно заплатить за меня двадцать червонцев?

Молчание. Офицеры отпускают Вулича и отходят в сторону. Вулич презрительно улыбается.

ОФИЦЕР. Послушайте, Вулич. Я замечал, и многие старые воины подтверждали мое замечание, что на лице человека, который должен умереть через несколько часов, часто есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы.

ВУЛИЧ. К чему вы это говорите?

ОФИЦЕР. Вы нынче умрете!

ВУЛИЧ. *(Быстро оборачивается к Офицеру, но отвечает медленно и спокойно.)* Может быть, да, может быть, нет...

ОФИЦЕР. Поверьте мне. Привычным глазам трудно ошибиться.

ВУЛИЧ. Скажите лучше, ваш пистолет заряжен?

ОФИЦЕР. Не помню хорошенько... Кажется, заряжен.

КАПИТАН. Да полно, Вулич! Уж, верно, заряжен, раз наготове был.

КОМЕНДАНТ. Что за охота шутить!

ПОРУЧИК. Держу пятьдесят рублей против пяти, что пистолет не заряжен.

КАПИТАН. Идет!

Капитан и Поручик заключают пари.

КОМЕНДАНТ. Господа, я не понимаю, вы все с ума сошли! Человек на ваших глазах сейчас умрет, а вы сидите, как в театре, да еще заключаете пари! Вулич, это не игра в орлянку. Ведь через три минуты вы неизбежно должны умереть!

ВУЛИЧ. Что ж? Умереть так умереть! Потеря для мира небольшая; да и мне самому уже порядочно скучно. Я – как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова... Прощайте! *(Подносит пистолет к виску.)*

ЭМИЛИЯ. *(Бросаясь к Вуличу.)* Не стреляй!

Вулич опускает пистолет. Эмилия хватается его за руку.

Ты не имеешь права, слышишь? Не имеешь права!

ВУЛИЧ. Могу же я распоряжаться своею жизнью, как хочу.

ЭМИЛИЯ. Нет. Ты не один на свете... Ты нужен другим... Мне.

ВУЛИЧ. Успокойся, Эмилия.

ЭМИЛИЯ. Отнимать жизнь – это грешно.

ВУЛИЧ. Я отнимаю ее у себя.

ЭМИЛИЯ. Это еще хуже. Бог прощает иногда убийц, но самоубийц – никогда. Твоей душе не будет спасения. *(Поворачивается к Офицеру.)* А вы... Как вы могли заключить такое пари?

ОФИЦЕР. Я сделал это шутя...

ЭМИЛИЯ. Молчите! Разве можно играть жизнью и смертью другого человека? Вы хотите выиграть пари? Вот вам ваши червонцы и уходите! *(Швыряет к ногам Офицера горсть монет.)*

ОФИЦЕР. *(Он побледнел, но старается владеть собой.)* Синьора, вы, должно быть, считаете меня эгоистом, потому что я держал пари против человека, который хочет покончить с собой. Как будто он без меня не мог найти удобного случая!

Все молчат.

Что касается меня, то, разумеется, я в любую минуту готов отказаться от пари.

ВУЛИЧ. Нет, эту игру начал я, и я доведу ее до конца.

ОФИЦЕР. *(Раздраженно.)* Послушайте, Вулич, мне надоела эта длинная церемония. Тем более, мне пора идти. Или застрелитесь – или верните пистолет и отправляйтесь спать.

КАПИТАН. *(Обрадованно.)* Разумеется, спать. Давно пора. Где моя шинель?

КОМЕНДАНТ. Верно. Хватит шутки шутить.

Все торопятся уйти.

ВУЛИЧ. *(Громко.)* Господа! Я прошу вас не трогаться с места!

Вулич приставляет дуло к виску. Все застывают. Вулич обращается к Офицеру.

Возьмите карту и бросьте вверх.

Офицер берет со стола червонный туз и бросает его вверх. Эмилия отворачивается. Карта медленно опускается, трепещет в воздухе. Глаза присутствующих перебегают от пистолета к тузу; в тот момент, когда он касается стола, Вулич спускает курок. Осечка.

КОМЕНДАНТ. Слава богу!

Эмилия без сил падает в кресло.

ПОРУЧИК. Я же говорил – не заряжен!

ВУЛИЧ. Посмотрим, однако ж.

Взводит снова курок и прицеливается в вазу. Выстрел. Ваза разбивается вдребезги. Общее оцепенение. Вулич подходит к столу и сгребает в свой кошелек червонцы Офицера.

ПОРУЧИК. Невероятно!

КАПИТАН. В чем же, все-таки, дело? Может, полка была засорена?

КОМЕНДАНТ. Должно быть, пистолет турецкий. Эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны или невольно крепко прижмешь пальцем.

КАПИТАН. *(Разглядывая оружие.)* Нет, пистолет превосходный.

ОФИЦЕР. В этом можете не сомневаться.

ПОРУЧИК. *(Тихо.)* Мне кажется, я знаю разгадку: прежде порох был сырой, а после Вулич присыпал свежего.

КОМЕНДАНТ. Ничего подобного. Я все время не спускал глаз с пистолета.

КАПИТАН. Поручик, вы проиграли пари. С вас пятьдесят рублей.

ПОРУЧИК. Извольте.

ОФИЦЕР. *(Подойдя к Вуличу.)* Вы счастливы в игре!

ВУЛИЧ. В первый раз отроду. Оказалось, что это лучше банка и штосса.

ОФИЦЕР. Однако немножко опаснее.

ВУЛИЧ. Ну что? Теперь вы верите предопределению?

ОФИЦЕР. Верю. Только не понимаю, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче вечером умереть... Выходит, я был неправ.

ВУЛИЧ. *(Неожиданно выдыхнув.)* Однако ж, довольно! Вы правы или нет, но пари наше кончилось, и теперь ваши замечания, мне кажется, излишни. *(Отходит.)*

Офицер обводит взглядом зал. Эмилия поворачивается к нему спиной, остальные стараются глядеть куда-то в сторону. Офицер смотрит на часы, берет свой пистолет, пристегивает его к поясу и уходит.

КОМЕНДАНТ. Пожалуй, пора расходиться.

КАПИТАН. *(Поднимаясь.)* Да, давно пора.

ВУЛИЧ. Позвольте, господа, еще нет и полуночи! Давайте играть!

КОМЕНДАНТ. Неужели вы можете?

ВУЛИЧ. Конечно! У меня ведь теперь сорок червонцев. С ними можно выиграть целое состояние!

КАПИТАН. Ну что же, можно сразиться. Кто будет держать банк?

Несколько офицеров направляются к игорному столу.

СЕРЖ. А действительно, что мы повесили носы? *(Слугам.)* А вы что застыли, как истуканы? Живее несите вино! Эмилия, улыбнитесь, жизнь прекрасна!

Воцаряются оживление и веселье. Гремит музыка.

ХОР.

Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь,
Счастья хочешь, счастлив будь
Нынче. Завтра – неизвестно!

Сцена четвертая

Берег. Ночь. Звучит мелодия моря. Входит Офицер, за ним плетется Деничик.

ГОЛОС ОФИЦЕРА. Как спокойно светят звезды... Смешно: были люди, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или какие-нибудь вымышленные права. И что ж? Эти лампы, зажженные, по их мнению, только для того, чтоб освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними... А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению...

Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в себе силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший цвет жизни...

Музыка умолкает. Офицер всматривается в темноту, вслушивается – никого.

ДЕНИЧИК. Ваше благородие, пойдете лучше домой.

ОФИЦЕР. Иди-иди, ты мне не нужен.

ДЕНИЧИК. Знаю, что не нужен. Не дождетесь вы своей русалки, вот увидите.

ОФИЦЕР. Почему ты знаешь, что я ее жду?

ДЕНИЧИК. А что еще можно тут делать в такую темень? Да и на часики все посматриваете... Идемте домой.

ОФИЦЕР. Что там делать?

ДЕНИЧИК. Делать нечего, это верно, а все как-то оно спокойнее...

Раздается зловеющий крик какой-то ночной птицы. Деничик крестится.

ОФИЦЕР. Ты что?

ДЕНЩИК. Как-то не по себе. А вам разве не боязно?

ОФИЦЕР. Что я за солдат, если испугаюсь свидания с женщиной?

ДЕНЩИК. Этого-то как раз и следует бояться... Бывают женщины опаснее картечи.

ОФИЦЕР. *(Смеется.)* И на опасное дело надо идти весело.

Офицер с ироническим надрывом поет песню. Денщик ему подпевает.

Там, за твердыней старою,
 На сумрачной горе,
 Под свежею чинарою
 Лежу я на ковре.
 Лежу один и думаю:
 «Ужели не во сне
 Свиданье в ночь угрюмую
 Назначила ты мне?»
 И в этот час таинственный,
 Но сладкий для любви,
 Тебя, мой друг единственный,
 Зовут мечты мои.»

Я жду. В недоумении
 Напрасно бродит взор:
 Кинжалом в нетерпении
 Изрезал я ковер;
 Я жду с тоской бесплодную,
 Мне грустно, тяжело...
 Вот сыростью холодною
 С востока понесло.
 Краснеют за туманами
 Седых вершин зубцы...

ДЕНЩИК. *(Прерывая Офицера, шепотом.)* Ваше благородие, глядите! Кто-то в белом!

ОФИЦЕР. *(Проверив пояс с пистолетом.)* Жди меня дома. Если я выстрелю из пистолета, хватай оружие и беги на берег. И не вздумай спать, бездельник!

ДЕНЩИК. Слушаюсь. *(Поспешно уходит.)*

Входит Девушка. Молчание.

ОФИЦЕР. Я уж думал, ты не придешь.

ДЕВУШКА. Давно ждете?

ОФИЦЕР. Давно – не давно, а кажется, что очень долго. Иди ко мне.

Девушка подходит к Офицеру. Он берет ее за руку.

Какая милая рука... И эта шея, плечи... Клянусь, я никогда не видел ничего подобного...

Девушка оглядывается.

Да ты не слушаешь меня! Не веришь моим клятвам?

ДЕВУШКА. *(Вместо ответа вполголоса запекает песню.)*

Воет ветер,

Светит месяц:
 Девушка плачет –
 Милый в чужбину скачет.
 Ни дева, ни ветер
 Не замолкнут:
 Месяц погаснет,
 Милый изменит!

ОФИЦЕР. Прочь эту песню! Разве ты во мне сомневаешься?

ДЕВУШКА. Нет. Однако ты слишком обещаешь – мы скоро расстанемся, а там... а там...

ОФИЦЕР. Если только это пугает тебя, то знай – я скоро не поеду. Я пробуду еще здесь... Или съезжу в отряд, возьму отпуск и возвращусь опять к тебе...

ДЕВУШКА. *(Взяв Офицера за руку.)* Иди за мной. *(Ведет его вдоль берега к лодке.)* Войдем в лодку.

ОФИЦЕР. Зачем?

ДЕВУШКА. Там нам никто не помешает.

Офицер колеблется, однако, встретив призывную улыбку Девушки, отбрасывает сомнения и следует за нею, проверив пистолет. Они садятся в лодку. Девушка отталкивает ее от берега.

ОФИЦЕР. Зачем ты оттолкнула лодку? Что это значит?

ДЕВУШКА. *(Обвивая его руками, горячо шепчет.)* Это значит, что я тебя люблю...

Страстные продолжительные объятия.

ОФИЦЕР. *(Прислушивается.)* Что-то упало в воду.

ДЕНЩИК. Тебе показалось.

ОФИЦЕР. *(Отстраняет Девушку и хватается за пояс.)* Где пистолет!?

Девушка смеется. Офицер оглядывается.

Послушай, до берега сажень пятьдесят, а то и больше!

ДЕВУШКА. Ну и что?

ОФИЦЕР. *(Сердито.)* А то, что я не умею плавать!

ДЕВУШКА. Тем лучше.

Сильным толчком Девушка едва не сбрасывает Офицера в море. Завязывается ожесточенная борьба. Лодка кренится то на один борт, то на другой. Музыка звучит глухо и напряженно. Наконец, ловкость берет верх над силой: Девушке удается повалить Офицера на борт; оба они по пояс свесились из лодки, волосы ее касаются воды.

ОФИЦЕР. *(Тяжело дыша.)* Чего ты хочешь?

ДЕВУШКА. Ты видел, ты донесешь!

Пытается вытолкнуть его из лодки. Офицер, собрав последние силы, хватается одной рукой за волосы, другой – за горло. Девушка разжимает пальцы и отпускает Офицера. Он сбрасывает ее в волны. Музыка обрывается.

Офицер, подобрыв в лодке обломок старого весла, начинает грести и исчезает из виду. На берегу появляется Янко. Он в татарской меховой шапке, за поясом его

торчит большой нож. Янко оглядывает берег – товарищей его еще нет. Янко садится на камень.

ЯНКО.

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной.
Все, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;
И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал.
Не искал бы я забвенья
В дальнем северном краю,
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою...

Входит Девушка.

ЯНКО. Где ты была так долго? (*Увидев ее промокишую одежду и волосы.*) Что с тобою?

ДЕВУШКА. Все пропало, Янко!

ЯНКО. Что случилось?

ДЕВУШКА. Он остался жив.

ЯНКО. Пусть живет.

ДЕВУШКА. Он донесет.

ЯНКО. Зачем ему?

ДЕВУШКА. Я не знаю. Он говорил.

ЯНКО. Пугал или шутил. И ему в точности ничего неизвестно. На что ему доносить?

ДЕВУШКА. Теперь есть на что.

ЯНКО. Я говорил – не надо его трогать.

ДЕВУШКА. Сделанного не воротишь.

ЯНКО. Да, дело скверное.

ДЕВУШКА. Если он выплыл, то каждую минуту может сюда прийти. А то и привести патруль.

ЯНКО. Иди домой, оденься и сейчас же возвращайся. И захвати, что нужно, из товару.

ДЕВУШКА. Мы уедем?

ЯНКО. Да. Лодка готова. Поторопись! Чтобы в пять минут была здесь. И пошли сюда слепого.

ДЕВУШКА. А если придет офицер?

ЯНКО. Об этом не беспокойся. Иди.

Девушка торопливо уходит. Тишина. Появляется Вулич, возвращающийся из заведения Эмилиш. Янко скрывается. Вулич останавливается, чтобы полюбоваться морем и подышать свежим воздухом. Внимание его привлекает оброненный девушкой платок. Он поднимает его, рассеянно вертит в руках. Янко выглядывает из-за укрытия. Вулич продолжает свой путь. Янко крадучись следует за ним. Оба скрываются из виду.

Входят Девушка и Слепой. У девушки в руках узел. Слепой тащит мешок.

СЛЕПОЙ. Где Янко?

ДЕВУШКА. Должен быть здесь. *(Садится на камень.)*

СЛЕПОЙ. Ветер все сильнее. Накройся.

ДЕВУШКА. Мне не холодно.

СЛЕПОЙ. *(Вдруг вскакивает.)* Ты слышала?

ДЕВУШКА. Что?

Оба вслушиваются в ночную тишину.

Я ничего не слышу. Тебе показалось.

СЛЕПОЙ. Нет, мне не показалось. Где Янко?

ДЕВУШКА. Верно, готовит лодку. Что тебя встревожило?

СЛЕПОЙ. Ничего. Нас это не касается. *(Садится. Пауза.)* Ты все-таки накройся.

(Протягивает ей шаль.)

ДЕВУШКА. *(Накидывает шаль на плечи.)* Спасибо.

Появляется Офицер.

СЛЕПОЙ. *(Настораживаясь.)* Это не Янко идет?

Офицер быстро прячется за укрытие.

ДЕВУШКА. *(Оглядевшись.)* Нет никого.

СЛЕПОЙ. Пойдешь со мною в воскресенье на ярмарку?

ДЕВУШКА. Не знаю.

СЛЕПОЙ. Там будут музыканты. И сласти.

Стремительно входит Янко.

ЯНКО. Ты готова? Идем. Скорее!

СЛЕПОЙ. Куда?

ЯНКО. *(Девушке.)* Лодка снаряжена. *(Слепому.)* Ты принес, что обещал?

СЛЕПОЙ. *(Протягивая мешок.)* Вот.

ЯНКО. *(Принимая его.)* Хорошо. Послушай, слепой, ты береги то место... Знаешь? Там богатые товары.

СЛЕПОЙ. Не беспокойся.

ЯНКО. Скажи Рябому, что я ему больше не слуга. Дела пошли худо, он меня больше не увидит.

СЛЕПОЙ. Почему?

ЯНКО. Теперь опасно. Поеду искать работы в другом месте, а ему уж такого удальца не найти. Да скажи, кабы он получше платил, так и Янко бы его не покинул.

СЛЕПОЙ. Куда же ты направишься?

ЯНКО. А мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит!

СЛЕПОЙ. А как же мы?

ЯНКО. Она поедет со мною, ей нельзя здесь оставаться.

СЛЕПОЙ. *(Девушке.)* Ты уезжаешь?

ЯНКО. А старухе скажи, что, дескать, пора умирать, зажила, надо знать и честь. Нас же она больше не увидит. *(Девушке.)* Идем.

СЛЕПОЙ. *(Жалобно.)* А я?

ЯНКО. На что мне тебя?

Пауза. Янко подходит к Слепому и вкладывает ему в руку деньги.

На, купи себе, чего захочешь.

СЛЕПОЙ. *(Ощупывая монету.)* Только?

ЯНКО. На, вот тебе еще.

Слепой не принимает деньги. Брошенная монета звенит, ударившись о камень.

ДЕВУШКА. Прощай.

Слепой не отвечает. Янко увлекает за собой Девушку. Слепой остается на берегу. Слышатся его рыдания. Эта песня-плач продолжается долго-долго...

Офицер тем временем возвращается в хату, зажигает свечу, однако не ложится, а спешит разбудить Денщика.

ОФИЦЕР. Проснись! Проснись, каналья!

ДЕНЩИК. А? Что?

ОФИЦЕР. Бездельник! Где моя шкатулка?

ДЕНЩИК. Не могу знать.

ОФИЦЕР. Где шашка в серебряной оправе? Где дагестанский кинжал с золотой отделкой – подарок друга? Все утащил проклятый слепой, пока ты дрыхнул! Тебе же велено было не смыкать глаз!

ДЕНЩИК. Я не спал, вот вам крест. Просто так... прилег.

ОФИЦЕР. «Прилег!» Почему не ждал моего выстрела, как было приказано?

ДЕНЩИК. Виноват, ваше благородие.

ОФИЦЕР. Вот уж точно виноват. Я ведь чуть на тот свет не отправился... А, что с тобой говорить...

ДЕНЩИК. Я же предупреждал – нечисто здесь. Сообщите утром, куда следует, пусть разберутся. Глядишь, и вещи найдутся.

ОФИЦЕР. Жаловаться начальству, что слепой меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка чуть не утопила? Чтобы посмешищем сделаться?

ДЕНЩИК. Надо посмотреть, где слепой. Не мог же он далеко уйти.

Офицер торопится к морю. Берег пуст. Впрочем, искать Слепого все равно нет смысла. Офицер собирается вернуться, но появляется Комендант. Двое солдат тащат за ним носилки с покойником, прикрытым шинелью. Солдаты ставят носилки. Офицер, отвернув шинель, бросает взгляд на лицо покойника.

ОФИЦЕР. Вулич! *(Крестится.)*

КОМЕНДАНТ. Да, Вулич. Бывает же: спасся от неминуемой смерти за час до смерти.

Странное предопределение, на правда ли?

ОФИЦЕР. Как это случилось?

КОМЕНДАНТ. Уходил от Эмилии веселым, был в крупном выигрыше... Жал нам всем руки. А спустя несколько минут патруль наткнулся на него лежащего прямо на земле. Удар ножом.

ОФИЦЕР. Кто? За что?

КОМЕНДАНТ. Ума не приложу.

ОФИЦЕР. Его нашли уже мертвым?

КОМЕНДАНТ. Нет, еще дышал.

ОФИЦЕР. Он успел что-нибудь сказать?

КОМЕНДАНТ. Только два слова: «Он прав»...

ОФИЦЕР. *(Повторяя.)* «Он прав»...

КОМЕНДАНТ. Смысл этих слов совершенно неясен. Кто прав?

ОФИЦЕР. *(Помолчав.)* Не будем гадать. Этим его не воскресишь.

Офицер наклоняется над носилками. Внимание его привлекает большой нож с деревянной рукоятью. Офицер берет его в руки и внимательно рассматривает. Голос его изменяется.

Он убит этим ножом?

КОМЕНДАНТ. Да.

Офицер невольно бросает взгляд на море. Берег его пуст, только вдали при свете месяца мелькает белый парус между темных волн. Комендант тем временем продолжает.

Бедный Вулич... Несчастливая Эмилия... Хотел бы я знать, кто в этом виноват.

ОФИЦЕР. *(Опуская голову.)* Судьба.

Офицер кладет нож на прежнее место. Звучит музыка – мелодия моря, зов судьбы. По знаку Коменданта солдаты поднимают носилки, и все трое уходят. Офицер остается наедине со своими размышлениями.

ГОЛОС ОФИЦЕРА. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и как камень, едва сам не пошел ко дну!.. Сколько раз я уже играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на головы обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления... Вот и теперь – один уже погиб, что станется с другими – не знаю. Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да еще с подорожной по казенной надобности!..

А музыка продолжает звучать, и женский голос как будто доносится с неба, сливаясь с пением ветра и криком птиц.

Конец